МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

DOI: 10.31857/S086919080003966-9

МЕСТО КИТАЯ ВО ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРИОРИТЕТАХ МЕКСИКИ

© 2018 Е. Ю. КОСЕВИЧ

Институт Латинской Америки РАН, г. Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-8056-8426, *ekaterina.kosevich@gmail.com*

Разногласия в коммерческой сфере, имевшие место в начале XXI в., привели к тому, что Китай до недавнего времени не был особенно заинтересован в сближении с Мексикой, отдавая предпочтение другим латиноамериканским странам. В последние годы в мексикано-китайских отношениях наблюдается значительный прогресс. Дополнительным толчком к активизации сотрудничества между Пекином и Мехико стало президентство Дональда Трампа, характеризующееся отсутствием долгосрочной латиноамериканской политики, а также постепенным свертыванием в этом регионе присутствия Вашингтона. Это дает Китаю прекрасную возможность заполнить образующиеся в результате ухудшения мексикано-американских отношений ниши, не оглядываясь на неудачи в прошлом.

***Ключевые слова**:* Мексика, Китай, Д. Трамп, сотрудничество, политика, экономика, торговля, инвестиции, туризм.

Для цитирования: Косевич Е. Ю. Место Китая во внешнеэкономических приоритетах Мексики. *Восток (Oriens)*. 2019. № 1. С. 167–179. DOI: 10.31857/S086919080003966-9

CHINA'S PLACE IN PRIORITIES OF MEXICO'S FOREIGN ECONOMIC POLICY

© 2018 Ekaterina Yu. KOSEVICH

Institute of Latin American Studies,
Russian Academy of Sciences (ILA RAS), Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-8056-8426, *ekaterina.kosevich@gmail.com*

Abstract: *Due to commercial difficulties happened in the beginning of the 21st century China was not particularly interested in rapprochement with Mexico, preferring other Latin American countries. For the last years Mexican-Chinese relations are developping. Donald Trump's presidency, characterized by the absence of a long-term Latin American policy, as well as the gradual curtailment of Washington's presence in the region, led to the intensification of cooperation between Beijing and Mexico City. This provides China with opportunity to bridge the gap appeared after deterioration of U.S.-Mexico relations, without looking back at past failures.*

Keywords: Mexico, China, D. Trump, cooperation, politics, economics, trade, investments, tourism.

For citation: Kosevich E. Yu. China's place in priorities of Mexico's foreign economic policy. *Vostok (Oriens)*. 2019. No. 1. Pp. 167–179. DOI: 10.31857/S086919080003966-9

В 2017 г. Мексика и Китай отметили 45-ю годовщину восстановления своих дипломатических отношений, что стало своего рода предлогом для формирования стратегического альянса между мексиканским правительством и азиатским гигантом, особенно ввиду неоднозначных перспектив мексикано-американских отношений, замаячивших после прихода к власти в США Дональда Трампа. К концу второго десятилетия XXI в. геополитическая ситуация в Западном полушарии уже резко изменилась, во многом благодаря стремлениям расширить свое присутствие со стороны новых акторов, прежде всего Китая и Европейского Союза (ЕС).

Спустя всего неделю после победы Д. Трампа на президентских выборах Си Цзиньпин уже в третий раз за последние три года нанес официальный визит в Латинскую Америку, давая всем ясно понять, что именно Китай планирует стать главным торговым партнером региона. А итоги первых лет правления Трампа объективно подтвердили, что курс, реализуемый новой администрацией США, постепенно вынудил Мексику «слезть с иглы» НАФТА (North American Free Trade Agreement, NAFTA), а также ускорить выстраивание новых направлений сотрудничества. И это предоставило Китаю, который уже более 10 лет является важнейшим торговым партнером Латинской Америки, возможность еще более расширить свое политическое, экономическое и даже культурное влияние на регион, чтобы восполнить пробел, созданный отсутствием четкой стратегии со стороны США в отношении своих ближайших соседей.

Помимо неоднократных санкций против правительства Венесуэлы и попыток «свести на нет» соглашение НАФТА новая американская администрация так пока и не разработала курс на сближение с латиноамериканским регионом. А в своих редких упоминаниях о Латинской Америке Вашингтон говорил лишь о необходимости наличия «жесткой руки» в вопросах миграции и незаконного оборота наркотиков. Дональд Трамп уже выбрал Европу, Ближний Восток и Азию в качестве своих приоритетных направлений, отодвинув далеко назад латиноамериканские страны, в частности Мексику.

Полностью контрастируя с политикой, проводившейся его предшественником Бараком Обамой, поведение Трампа уже существенно изменило внешнеполитический курс на ближайшее будущее самой Мексики. Явное отсутствие интереса администрации Трампа к Латинской Америке шло прежде всего на руку Китаю, который в своей неотступной защите глобализации к концу второй декады XXI в. превратил свои отношения с США, Европой и Японией в достаточно натянутые. А в свете активных попыток Д. Трампа пересмотреть НАФТА, по мнению многих, являющегося жизненно важным соглашением как для мексиканской, так и для американской экономики, Китай полностью готов стать для Мексики достойной альтернативой Соединенным Штатам.

В конце второй декады XXI в. обоюдный интерес к развитию мексикано-китайских отношений стал все более заметным, что, среди прочего, подтвердилось и словами Алисии Барсена, ответственного секретаря Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (CEPAL), которая на 47-м Всемирном экономическом форуме в Давосе, прошедшем в 2017 г., выступила с предложением активнее укрепить торговые связи и Китаем для решения стоящих перед Мексикой глобальных проблем.

Подобная заинтересованность со стороны Мехико в отношении этой азиатской страны далеко не безосновательна. За прошедшие пятнадцать лет Китай увеличил объем торговли с Латинской Америкой более чем на 2000%. А в 2010 г. был зафиксирован количественный максимум по объему прямых иностранных инвестиций Китая в страны Латинской Америки и Карибского бассейна (ЛАК), приведший к тому, что эта страна заняла место второго торгового партнера региона, сместив Европейский Союз. За первое десятилетие XXI в. китайцы уже превратили две тихоокеанские страны, а именно Перу и Чили, в свои «тихоокеанские платформы» за счет транстихоокеанских коридоров, связывающих КНР с ведущими экономиками региона в лице Бразилии и Аргентины, а также с

Уругваем и Парагваем; все четыре страны являются крупнейшими поставщиками продовольствия. В Южной Америке Китай за последние годы уже смог опередить США, заняв место основного импортера из этих стран, к концу второй декады XXI в. став главным торговым партнером Бразилии, Чили и Перу.

Все это заставило по-новому взглянуть на перспективы развития именно мексикано-китайских отношений, несмотря на широко распространенное мнение о том, что главным политическим и экономическим партнером Мексики всегда будут оставаться именно Соединенное Штаты.

Дипломатические отношения между Мексикой и Пекином берут свое начало еще в 1899 г., а отношения Мексики и КНР – в 1972 г. В целом выделяются четыре этапа их развития. Первый этап пришелся на период 1972–1978 гг., и его можно без преувеличения назвать «*идиллия*» [González García, 2013, p. 28]. Уже начиная с 1970-х гг. благодаря своему политическому лидерству среди стран Латинской Америки Мексика могла похвастаться достигнутым авторитетом на мировой арене, что помогло ей содействовать активизации диалога «Юг – Юг». В те годы Мексика сыграла значительную роль в оказании помощи КНР в вопросе восстановления ее места в Организации Объединенных Наций. Это особенно поспособствовало установлению 14 февраля 1972 г. дипломатических отношений между двумя странами, а Китай был признан единственной страной, обладающей суверенитетом над всей китайской территорией[1].

Второму этапу, который продлился с 1978 по 1990 г., более подходит заголовок «*незаинтересованность*». В 1980-х гг. отношения между странами стали постепенно охлаждаться из-за экономических проблем Мексики. В свою очередь, для Китая 1980-е годы ознаменовались реорганизацией структуры экономики, а также социальной нестабильностью, в совокупности породившими сомнения Мексики в реальности выбранной китайцами экономической модели и обоснованности политической поддержки [Cornejo Bustamante, 2010]. Зигзагообразный прогресс запущенных экономических реформ и либерализации экономики, начатый Китаем в конце 1970-х гг., кульминацией которого стали трагические события на площади Тяньаньмэнь в 1989 г., вызывал настороженное отношение мексиканцев к этой восточноазиатской стране.

Придерживаясь двух разных стратегий, в Китае – основанной на принципе «государства во главе», а в случае Мексики – базирующейся на принципе «рынка во главе», обе страны следовали намеченным целям своего постепенного превращения в экономически сильные государства. Существенное различие в стратегиях развития экономик этих государств, которое в итоге и оказалось решающим, заключалось в том, что Мексика планировала стать крупнейшей страной-экспортером в краткосрочной перспективе (а именно уже к середине 1990-х гг.), а Китай – в долгосрочной перспективе (к 2000 и 2020 гг.) [Lifu Lin, 1996].

Третий этап, «*охлаждение*», пришелся на десятилетие 1990-х гг., когда у обеих стран уже имелись определенные результаты в стартовавших процессах экономических реформ [González García, 2001]. В этот период в двусторонних отношениях стали возникать и первые разногласия. Обе страны постепенно, но при этом каждая по-своему, начали вписываться в процесс глобализации, при этом в итоге достигнув абсолютно противоположных результатов. В то время, как Китай закладывал основу для своего скачкообразного развития, получившего название «третьей китайской революции», Мексика во-

[1] Логичным образом этот факт повлек за собой разрыв дипломатических отношений с националистическим Китаем (Тайванем). Мексика стала четвертой страной в Латинской Америке, которая установила официальные дипломатические отношения с Китайской Народной Республикой, первопроходцами до нее были Куба, Чили и Перу.

шла в очередную фазу экономических и социальных проблем, после которых страна так и не смогла восстановиться[2].

Первые трения между Мексикой и Китаем были вызваны тем, что обе страны стали конкурентами в сфере производства дешевых товаров ручного труда с низким уровнем технологического развития и ничтожной оплатой работников, в таких производствах, как изготовление текстиля и одежды, пластика и игрушек, кожи и обуви, а также электроники. Уровень заработной платы на подобных производствах в Китае был от трех до семи раз меньше оплаты равноценной рабочей силы в Мексике. И в 1993 г. Мексика ввела компенсационные импортные сборы и таможенные пошлины в более чем 1000% на различные продукты из Китая, которые на тот момент уже начали вытеснять с мексиканского рынка альтернативные национальные производства.

И, наконец, четвертый этап, который можно назвать «*дуплекс*», стартовал с конца 1990-х гг. и продолжился в начале XXI в. В течение него наряду с появлением долгожданных двусторонних соглашений и формированием относительно стабильных торгово-экономических связей стали проявляться уже более заметные разногласия политического и экономического характера.

В целом начало нового XXI в. переняло основные тенденции уже сложившихся ранее отношений, продолжающих быть одними из самых несбалансированных в мире. С 1992 г., года запуска новых экономических реформ, в КНР были созданы основы как для экономического роста, так и для увеличения импорта из других стран [González García, 2003]. А после вступления Китая в ВТО в декабре 2001 г. объем китайского экспорта стал увеличиваться семимильными шагами, в 2009 г. отодвинув с места ведущего экспортера планеты Германию. Все это привело к тому, что Китай превратился в крупнейшего нетто-импортера нефти, а также обширнейшего мирового потребителя многих видов сырья, таких как медь, железо, цинк, которые уже закупались им из наименее развитых стран Африки и АТР и которые он сравнительно недавно начал вывозить из Латинской Америки [Kerber Palma, 2002, p. 900].

Несмотря на различные темпы экономического роста рассматриваемых стран, их двусторонняя торговля резко возросла именно с начала XXI в. Уже к 2010 г. разница в объемах экспорта и импорта стала огромной: импорт из Китая в Мексику оказался в 5.5 раза больше мексиканского экспорта в Китай[3].

За начало XXI в. Китай смог выстроить плодотворные отношения сразу с несколькими латиноамериканскими государствами, среди которых выделяются Бразилия как его первый торговый партнер в регионе, а также ряд стран, подписавших с Китаем соглашения о свободной торговле (ССТ), таких как Чили (ССТ подписано в 2005 г.), Перу (ССТ вступило в силу с 2010 г.), и Коста-Рика (ССТ с 2011 г.) [Ling, 2011, p. 38].

И этот момент не мог не беспокоить Мексику, которая уже приступила к активизации отношений с Китаем, пытаясь вновь не «наступить на одни и те же грабли». Гарантируя Китаю свое признание его рыночной экономики, Мексика надеялась к началу третьего десятилетия XXI в. все же стать четвертой латиноамериканской страной, с которой Китай подпишет ССТ, переговоры по заключению которого активно велись. Фактическим достижением в сфере экономического сотрудничества стало согласование двустороннего договора о защите и взаимном поощрении инвестиций, подписанного в июле 2008 г. и ратифицированного мексиканским Сенатом в марте 2009 г. [Luna Arena, 2010, p. 46].

---

[2] В 1980-х гг. мексикано-китайский товарооборот отличался небольшим, но все же профицитом в пользу Мексики. Но с первых лет десятилетия 1990-х гг. торговля стала вестись с возрастающим профицитом в пользу Китая, увеличивающимся в геометрической прогрессии с каждым годом.

[3] Именно благодаря происшедшему росту объемов импортируемых китайских товаров к концу второй декады XXI в. они составили более 10% всей мировой торговли.

В декабре 2003 г. обе страны согласовали создание Стратегического партнерства, на базе которого в августе 2004 г. была создана Постоянная межгосударственная комиссия (Comisión Binacional Permanente), которая стала собираться каждые два года [Shicheng, 2014, p. 14]. Целями данной комиссии были заявлены анализ и принятие согласованных решений в таких областях, как экономическая, политическая, торговая, таможенная, сельскохозяйственная, а также касающихся укрепления сотрудничества в сферах образования, спорта, культуры, науки, транспорта и туризма [Aranda, 2010, p. 6].

За последние несколько лет двусторонним экономическим отношениям между Мексикой и Китаем был придан особенный динамизм, повлекший за собой создание в 2013 г. Интегрального стратегического партнерства, согласованного главами государств Энрике Пенья Нието и Си Цзиньпином. Хотя по сравнению с объемом торговли Мексики с США, составляющим в среднем 460 млрд долл. в год (около 65% от общего годового объема внешней торговли Мексики), эти цифры кажутся все еще незначительными.

Несмотря на то, что к концу 2010-х гг. между Мексикой и Китаем двустороннего ССТ согласовано не было, уже с 2003 г. Китай превратился в ее второго торгового партнера, что подтверждалось данными Мексиканского делового совета внешней торговли (COMCE), согласно которым за 2016 г. общий объем торговли между этими странами достиг 75 млрд долл. Важно отметить, что представленные данные по мексикано-китайскому товарообороту включали в себя и показатели по торговле, реализуемой через третьи страны и составляющей в среднем 35 млрд долл. в год. Однако, согласно мнению, высказанному Серджио Лей, президентом Международной секции по региону Азии и Океании Мексиканского делового совета по внешней торговле, инвестициям и технологиям (COMCE), нарастающий объем коммерческих сделок, которые Мексика и Китай выполняли через третьи страны, и стал той самой возможностью для расширения двусторонних коммерческих отношений (см. *граф. 1*).

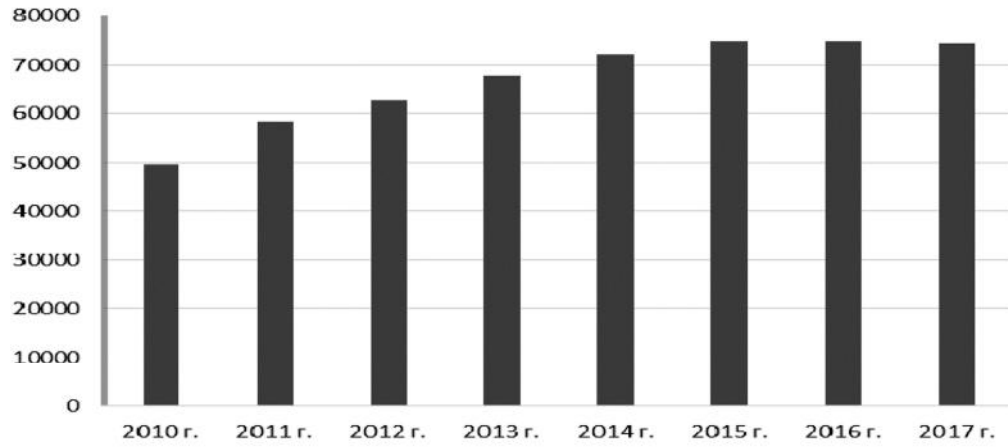

График 1. Общий объем торговли между Мексикой и КНР (долл. США).

Примечание: График составлен на основе данных МИД Мексики.

В результате сокращения сельскохозяйственных площадей продовольственная проблема Китая к концу 2000-х гг. существенно осложнилась. Что, среди прочего, вынудило его уделять особое внимание развитию связей с Бразилией и Аргентиной, ведущими странами региона, соглашения о свободной торговле с которыми у него еще отсутство-

вали. А посредством нового трансокеанского канала через Никарагуа китайцы планировали еще больше закрепить свое присутствие в Западном полушарии.

В контексте высокого спроса на закупки продовольственных товаров со стороны Китая нынешняя мексиканская администрация предприняла ряд шагов в отношении увеличения объемов экспорта своей сельскохозяйственной продукции в эту страну. К 2018 г. наметился прогресс в обеспечении доступа мексиканских пищевых продуктов на китайский рынок, что явилось следствием недавно подписанных протоколов о поставках в Китай таких продуктов, как белая кукуруза, замороженное мясо крупного рогатого скота, текила и табак. Также был согласован электронный обмен сертификатами на импорт и экспорт сельскохозяйственной и рыбной продукции, позволивший значительно сократить время бюрократической составляющей. За 2015 г. именно между Мексикой и Китаем подобных двухсторонних соглашений было согласовано больше, чем с любой другой страной. Однако существенный прогресс в цифрах стал заметен лишь в отношении экспорта мексиканского авокадо, увеличившегося на 1235% в период с 2013 по 2016 г. и сделавшегося основной статьей продовольственного экспорта из Мексики азиатскому гиганту. К 2018 г. ежегодный экспорт мексиканских продовольственных товаров в Китай составил лишь 150 млн долл. из 28 млрд долл. общего экспорта Мексики в этом секторе, подтверждая, что ожидаемый успех в этом направлении в рассматриваемый период пока достигнут не был.

К концу 2010-х гг. Китай уже стал одним из крупнейших инвесторов в мире благодаря своим вложениям в такие отрасли, как добыча сырья, пищевая промышленность и коммуникации, в менее развитых странах Азии и Латинской Америки. Высокие скорости развития этой сферы привели к тому, что все большее число предприятий из Мексики и Китая стали успешно пользоваться новыми открывшимися торговыми и инвестиционными возможностями.

В период с 2012 по 2018 г. выросли в несколько раз китайские инвестиции в Мексику, где более 1000 китайских компаний уже открыли свои филиалы. *Lenovo* и *Huawei* (производители оборудования ИКТ), *Hisense* и *Sanhua* (обрабатывающая промышленность), *BAIC, Minth, Minhua* и *JAC Motors* (автомобильная промышленность), *Sinohydro* (инфраструктура), *Envison Energy* и *Jinko Solar* (возобновляемые источники энергии), а также *CNOOC* (углеводороды) стали наиболее успешными примерами выхода китайских компаний на мексиканский рынок. Однако заметными достижениями мог похвастаться и ряд гораздо менее крупных компаний.

Согласно данным Министерства экономики Мексики, 53% предприятий с китайскими иностранными инвестициями относились к сфере оптовой торговли, 25% – занимались розничной торговлей, а около 10.6% – работали в сфере производства транспортного оборудования. Почти две трети китайских компаний расположились в мексиканской столице, затем следовали штаты Мехико, Халиско и Нижняя Калифорния. Именно Мехико стал основным местом деятельности для компаний с китайским капиталом.

В конце 2015 г. в Мехико был открыт офис Промышленного и торгового банка Китая (ICBC), предлагающего корпоративные решения для финансирования международной торговли, а также глобальные банковские услуги. С открытием мексиканского филиала ICBC, а также запуском Инвестиционного бинационального фонда (Fondo Binacional de Inversión) и Энергетического фонда (Fondo Energético) с общим объемом финансирования в 2.4 млрд долл., направленных на разработку проектов в Мексике, мексикано-китайское сотрудничество к 2018 г. заручилось активными механизмами по расширению потоков инвестиций.

Со своей стороны, Китай также стал важным рынком сбыта для ряда наиболее известных и крупных мексиканских компаний. Крупные корпорации, такие как *Bimbo* (хлебобулочные изделия), *Maseca* (производство кукурузы и продуктов из пшеницы),

Nemak (автозапчасти), *Softe*k (информационные технологии), *Grupo Kuo* (химический сектор) и *ICC* (отделочные материалы), также достаточно успешно работали через свои открытые в Китае представительства.

Тем не менее достигнутые результаты еще далеко не в полной мере отражали потенциал мексикано-китайского сотрудничества в вопросе взаимных инвестиций. За прошедшее десятилетие китайские инвестиции в Мексику составили лишь 530 млн долл., значительно меньше инвестиций в 32 млрд долл., предназначенных Бразилии, 18 млрд долл., полученных Венесуэлой, и 17 млрд долл., выделенных Перу. По официальным данным, лишь менее 1% от общего объема китайских прямых иностранных инвестиций, предназначенных для Латинской Америки, пришлось на Мексику.

Несмотря на то, что Мексика являлась вторым по важности рынком в Латинской Америке, к тому же крайне заинтересованным в иностранных инвестициях, Китай не торопился вкладывать свои средства именно в эту страну. Согласно мнению Бао Ронглин, президента Ассоциации предпринимателей Китая, подобное явление объясняли как минимум шесть причин:

Во-первых, *незащищенность.* Как следствие «открытой войны» против наркокартелей, развязанной предыдущим президентом Мексики, Фелипе Кальдероном, и ведущейся в стране с огромными потерями среди гражданского населения, китайские компании вынуждены были закрывать свои филиалы ввиду отсутствия безопасности. Больше всего это коснулось горнодобывающей отрасли. Насилие, разыгравшееся с особенной силой в таких мексиканских штатах, как Герреро, Мичоакан и Сакатекас, значительно усложнило деятельность иностранных компаний [Kosevich, 2017]. Дошло до того, что со стороны высшего китайского руководства даже прозвучал призыв обеспечить необходимые механизмы для гарантирования безопасности китайских компаний, обращенный к федеральным и муниципальным органам власти Мексики.

Во-вторых, *неустойчивый обменный курс*. Ослабление мексиканского песо по отношению к американскому доллару, происшедшее в период 2013–2017 гг., привело к финансовой нестабильности иностранных компаний, ведущих свою коммерческую деятельность в национальной валюте Мексики.

В-третьих, *традиционный приоритет* Мексики в пользу своих ключевых торговых партнеров. А именно, страны, с которыми Мексика уже заключила соглашения о свободной торговле, среди которых еще не было Китая, всегда первыми выигрывали крупные тендеры.

В-четвертых, *незнание традиций*. Как правило, китайские инвесторы не были знакомы с мексиканской культурой, что вызывало соответствующие трудности при ведении бизнеса. Аналогичным образом, и мексиканским предпринимателям редко бывало известно об обычаях и деловой этике по-азиатски при заключении сделок с китайскими компаниями.

В-пятых*, незнание языка*. Испанский язык считается довольно сложным для освоения китайцами, гораздо сложнее английского. А зачастую китайские предприниматели пытались начать бизнес, пренебрегая услугами переводчиков.

И последнее – *высокий уровень коррупции* в стране, а также незнание особенностей политической ситуации и правовой системы Мексики.

Кроме того, именно во время президентства Энрике Пеньи Ньето был отменен, пожалуй, самый важный китайский инвестиционный проект по строительству системы железных дорог. План строительства высокоскоростной железнодорожной магистрали, соединяющей города Мехико и Керетаро, был передан на реализацию китайской компании *China Railway* и ее мексиканским партнерам *GIA, Prodemex, GHP* и *TEYA*. Однако начатое строительство было прекращено, а тендер, который стоил бы 4.6 млрд долл., был отклонен, что вызвало обоснованное недовольство китайской стороны [Косевич, 2017, с. 45].

Кроме того, администрацией Пеньи Ньето также под сомнительными предлогами было приостановлено строительство проекта Dragon Mart в Канкуне[4]. Федеральная прокуратура по охране окружающей среды Мексики (Profepa) вынесла решение о прекращении строительства проекта Dragon Mart в штате Кинтана-Роо ввиду высокой вероятности нанесения последним экологического ущерба этому району. В рамках данного тендера китайцы были намерены оставить в Мексике почти 200 млн долл. ПИИ. Вместо этого, они затребовали выплату неустойки в размере 21 млн песо.

Тем не менее, несмотря на непредсказуемость курса мексиканского руководства, Китай все же продолжил упрямо следовать заданному направлению развития отношений с Мексикой. А в начале 2016 г. китайская компания *China Offshore Oil Corporation* выиграла крупный тендер на разработку и добычу углеводородов в первом из десяти глубоководных районов Мексиканского залива, в проекте по которому заявлено получение сверхлегкой нефти[5].

Пенья Ньето также старался придерживаться курса по расширению сотрудничества с Китаем, пытаясь максимально сгладить имевшие место негативные моменты. Это подтверждается неоднократными встречами президента Мексики и лидера КНР, Си Цзиньпина, на которых говорилось о важности интенсивности и разносторонности долгосрочных отношений между Мексикой и Китаем. «Китай очень заинтересован в реализации крупных инвестиционных проектов в Мексике», – заявил Си Цзиньпин на встрече с мексиканским президентом, прошедшей в рамках Саммита G-20 в 2015 г. Заданный курс подтвердился и на Саммите G-20 в сентябре 2016 г., где, в свою очередь, президент Мексики отметил, что его стране китайская экономика признается ведущей движущей силой глобального экономического роста. И на новый Федеральный закон Мексики «О специальных экономических зонах» (СЭЗ), вступивший в силу 1 июля 2016 г., Энрике Пенья возлагал особенные надежды именно в контексте развития отношений с Китаем. И это далеко не случайно, ведь за реализацию данного проекта негласно отвечал Всемирный Банк, который уже в свое время «поддерживал» создание подобных зон как в самом Китае, так и в Малайзии, Южной Корее, Бангладеш, Турции, Южной Африке и прочих странах. Ход развития проекта СЭЗ в Мексике контролировал и Центр международного развития Гарвардского университета.

Примечательно, что мексиканское правительство решило взять за основу в первую очередь опыт Китая, а именно, пример успешного развития порта Шэньчжэнь, расположенного в 80 км от Гонконга. В 1970-х гг. он был лишь пристанью для 3000 рыбаков. А к 2018 г. порт Шэньчжэнь стал ведущим мировым центром электронной промышленности. Штаб-квартиры таких корпораций, как *Huawei,* наряду с 6000 другими компаниями расположились именно там. Переломный момент для Шэньчжэня произошел в 1979 г., когда китайское правительство выбрало этот порт под особую экономическую зону, предназначенную для производства высокотехнологичных товаров.

Тем не менее наличие фискальных стимулов и новых возможностей для экспорта, а также развитие инфраструктуры не обязательно непременно привлекут иностранных инвесторов. И неудачный опыт мексиканского штата Колима, расположенного на западе страны, подтверждает это. Именно этот штат, начиная с 2012 г., из года в год признавался Всемирным банком как самое выгодное место для предпринимательства во всей Мек-

[4] Dragon Mart Cancún – это коммерческий центр, площадью более 500 гектаров, в котором планировалось создать исключительные условия для презентаций и продаж продукции компаний со всего мира. Согласно данным по проекту, 90% акций Dragon Mart принадлежали мексиканским предприятиям, и только 10% китайскому партнеру Chiname.

[5] Успех данной компании был связан с предложенной китайцами дополнительной платой за разработку недр в размере 17.01%, что намного выше минимального уровня 3.1%, установленного мексиканским правительством.

сике. И даже несмотря на это, по данным мексиканского Министерства экономики, на него приходилось лишь 0.4% ежегодных иностранных инвестиций в страну при 35% местного населения, продолжавшего жить в бедности.

За последние три десятилетия ВВП на душу населения в мексиканских штатах, находящихся на северной границе, вырос более чем на 50%, что было в значительной степени обусловлено подписанием соглашения НАФТА. Однако весь юг страны оказался полностью обделенным, там ВВП на душу населения вырос лишь на 9%, в связи с чем мексиканское руководство начало возлагать особые надежды на то, что СЭЗ способны стать той самой новой моделью развития юга страны, способствующей созданию новых рабочих мест и улучшению качества жизни его жителей. И, конечно же, мексиканцы особенно рассчитывали на капиталовложения со стороны КНР.

Первые СЭЗ планировалось создавать именно на юге и юго-востоке страны, где расположились штаты с самым высоким показателем бедности, а именно, Мичоакан, Оахака, Чиапас, Кампече, Табаско и Веракрус. При этом данная инициатива уже подверглась критике со стороны ряда экспертов, заявляющих, что СЭЗ способны разрушить традиционный образ жизни коренных народов, а также повлечь уничтожение целых экосистем, по примеру скандального уничтожения местными властями мангрового леса Таджамар в штате Кинтана-Роо[6].

Китай уже превратился во второй по величине источник импорта для Мексики и третий пункт назначения мексиканского экспорта. В свою очередь, Мексика продолжила оставаться вторым торговым партнером Китая среди всех латиноамериканских стран, сразу после Бразилии. Основной негативный момент этих отношений заключался в том, что на каждый американский доллар, полученный Мексикой за экспорт в Китай, приходился импорт из Китая в Мексику на 12 долларов.

Дефицит торгового баланса Мексики с Китаем достиг в 2017 г. 65 млрд долл., став наиболее высоким за последние годы. При этом, согласно данным представленным Экономической комиссией для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), именно у Мексики из всех латиноамериканских стран наблюдалось самое высокое отрицательное сальдо в торговле с Китаем. А 70% дефицита торгового баланса в товарообороте между Латинской Америкой и Китаем приходилось на Мексику. Сложившийся дисбаланс заставил мексиканцев серьезно задуматься о необходимости сделать цифры по двусторонней торговле более уравновешенными.

Согласно данным *ProMéxico*[7], 98% мексиканских закупок из азиатской страны составили промышленные изделия, такие как мобильные телефоны и их комплектующие, модули памяти, офисное оборудование и жидкокристаллические устройства. В этой связи директор Национальной ассоциации импортеров и экспортеров Мексиканской Республики (Anierm), Луис Энрике Завала, уточнил, что дефицит торгового баланса с Китаем был вызван в первую очередь тем, что импортировались именно дорогостоящие составные части для электронных, электрических и других высококачественных изделий, а не только низкокачественная и дешевая продукция, как принято считать. И для разрешения

[6] На рассвете 16 января 2016 г. 57 гектаров мангрового леса Таджамар, находящегося в популярном среди туристов штате Кинтана-Роо, были безжалостно вырублены местными властями. Этот участок земли уже был перераспределен под частное пользование, которое заключалось в строительстве огромного торгового центра и огороженных кондоминиумов. Когда вырубка только началась, группа экологов выступила против уничтожения мангровых зарослей из-за разрушительного воздействия этого на окружающую среду, которое могло бы привести к уничтожению редкой экосистемы. Несмотря на возникший в общественности резонанс, Министерство охраны окружающей среды и природных ресурсов Мексики (SEMARNAT) признало начатое строительство полностью отвечающим требованиям охраны окружающей среды.

[7] ProMéxico является подразделением Министерства экономики Мексики, специализирующимся на продвижении мексиканской продукции за рубежом.

сложившейся ситуации самой Мексике было необходимо создать конкурентоспособные предприятия в таких отраслях, как текстильная, электротехническая, обувная и металлообрабатывающая промышленность, на которых сами мексиканцы смогли бы производить эти комплектующие части, на тот момент импортируемые из Азии в таких объемах.

«Азиатский дракон» уже превратился в главного конкурента для национальных мексиканских производств в таких отраслях, как текстильная и обувная, а также с недавних времен и металлургическая промышленность. Дешевая сталь, в последние годы наводнившая страну ацтеков, а также полная неэффективность мер, принимаемых властями в этой области, заставили власти беспокоиться за всю национальную сталелитейную отрасль. Ведь в Мексике цена на сталь оказалась почти на 65% дороже по сравнению с ценой, предлагаемой китайцами. А начиная с 2014 г. общий объем ежегодного китайского экспорта составил почти 10 млн т стального проката, из которых 12% отправлялись в Латинскую Америку. Мексика же стала занимать первое место среди всех стран своего региона по объемам импортируемой из Китая стали, за последние три года увеличив свои закупки этой продукции на 330%.

Испугавшись того, что сложившаяся ситуация приведет к тому, что мексиканская сталелитейная индустрия окончательно упустит все возможности самостоятельно удовлетворять спрос на сталь в таких важных для страны секторах, как строительство и автомобилестроение, мексиканское правительство под давлением Национальной палаты металлургической промышленности Мексики (Canacero) ввело компенсационные квоты на импорт ряда готовых товаров из стали, произведенных в Китае, обвинив китайских поставщиков в демпинге. Также мексиканскими властями были признаны 24 случая демпинга со стороны китайцев в этом секторе, что позволило несколько сократить объемы закупок этой продукции.

Зато сотрудничество в туристической отрасли развивается в рассматриваемый период исключительно в пользу мексиканцев. Мексика прочно заняла место основного пункта назначения в Латинской Америке для китайских туристов, чьи потоки увеличились в два раза за последние годы, превратив Китай в один из главных источников посетителей из АТР. Мексиканская земля стала восприниматься китайскими туристами как привлекательное и универсальное место, способное предложить широкий спектр впечатлений, несмотря на все еще нерешенные проблемы с преступностью.

Подобные положительные результаты стали возможны благодаря не только широко анонсированным рекламным мероприятиям, но и предпринятым мерам по значительному упрощению визового режима для иностранных туристов, а также развитию воздушного сообщения между обеими странами. Последнее стало возможным благодаря авиакомпаниям *Aeromexico*, обеспечивающей прямой полет между Мехико и Шанхаем с пятью еженедельными рейсами, и *China Southern*, которая с апреля 2017 г. стала первой китайской авиакомпанией, реализующей перелеты между Гуанчжоу и Мехико, через Ванкувер (см. *граф. 2*).

К концу 2000-х гг. Мексика и Китай перешли на абсолютно новый этап своих отношений, установленных 45 лет назад. Несмотря на то, что Мексика еще не встала в один ряд со странами, инвестиционные проекты в которых имеют первостепенное значение для Китая, мексикано-китайское сотрудничество за последнее десятилетие приобрело особенный динамизм. Китай, будучи второй по величине экономикой в мире, где все более значимо мнение нового среднего класса, выдвигающего высокие требования к потребительским товарам, вынужден расширять свой импорт продукции из таких стран, как Мексика, Аргентина и Бразилия. И это позволит постепенно выровнять сложившийся огромный торговый дисбаланс. Также КНР в ближайшие годы будет преследовать главную свою цель, а именно развитие сотрудничества по линии «Юг – Юг», используя уже подготовленную им ранее базу в латиноамериканском регионе.

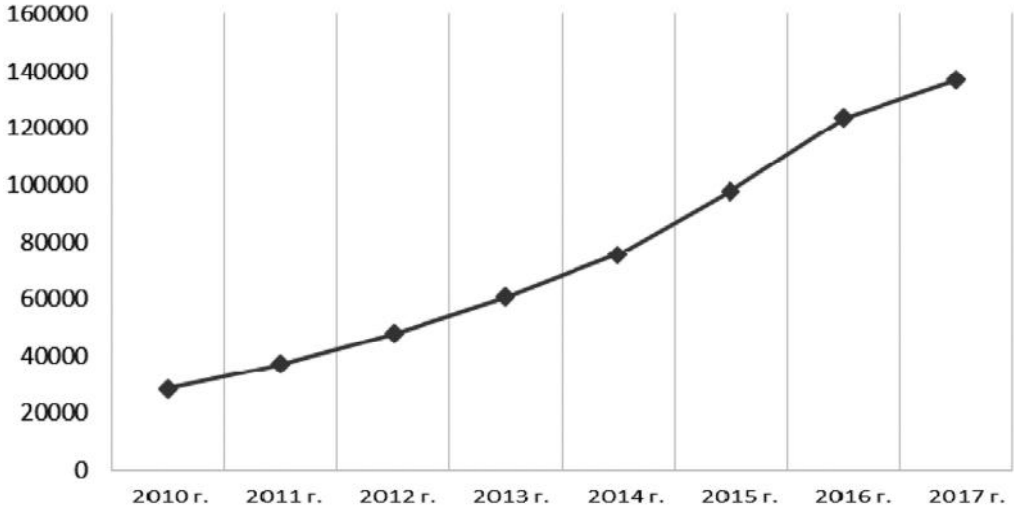

График 2. Посещение Мексики китайскими туристами.

Примечание: График составлен на основе данных посольства Мексики в КНР.

В 2018 г. мы можем наблюдать возможность, предоставленную Мексике новым президентом США Дональдом Трампом, заключающуюся в вынужденной необходимости срочной диверсификации торговли с другими регионами. И одним из вариантов развития событий стал пересмотр сложившихся отношений с Китаем, превратившийся в отличную возможность слезть с «короткого поводка» Вашингтона, а также сделать цифры по двусторонней мексикано-китайской торговле более уравновешенными.

«Если нам закроют северную границу, то мы будем смотреть на Восток»,– заявил Серхио Лей Лопес, президент бизнес-секции для Азии и Океании при Мексиканском деловом совете по внешней торговле, инвестициям и технологиям (COMCE). Подтверждением может служить и то, что на начало 2018 г. в Мексике уже было открыто примерно 900 компаний с иностранными инвестициями из Китая, относящихся к сферам торговли, производства и услуг.

Важно отметить, что Пекин активно продвигал проект о Региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве (РВЭП), подписание которого планировалось к концу второй декады XXI в[*]. Это соглашение включило Китай и Индию, но не Соединенные Штаты, подтверждая тезис о том, что РВЭП должно былостать альтернативой Транстихоокеанскому партнерству (ТТП), развиваясь в рамках борьбы Китая и США за влияние, в том числе и в Латинской Америке. В основном, РВЭП касалось снижения тарифов и являлось менее широким, чем ТТП. Тем не менее, в свете выхода США из ТПП создание «китайского проекта» начало казаться все более вероятным, с учетом того, что среди его участников уже появился представитель латиноамериканского региона в лице Перу. И это позволяет говорить о том, что в своих поисках ослабления зависимости от Вашингтона Мехико может также последовать перуанскому примеру, используя все возможности для сближения с азиатским гигантом.

[*] РВЭП – соглашение о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ +»), охватывающее 10 государств – членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины) и 6 государств, с которыми у АСЕАН уже подписаны соглашения о свободной торговле (Австралия, Индия, КНР, Новая Зеландия, Республика Корея и Япония).

Подводя общий итог, стоит подчеркнуть, что к концу второго десятилетия XXI в. Китай коренным образом изменил свои подходы к Латинской Америке в целом и к Мексике: в частности: крупные инвестиционные проекты сменили миллиардные закупки сырьевых товаров. Пекин стал делать расчет на свое долгосрочное присутствие в этом районе мира, очевидным следствием чего становится постепенное сокращение влияния США и ЕС. Используя «ниши», образовавшиеся вследствие американского торгового протекционизма, общего сокращения инвестиций в Латинскую Америку и происшедшего охлаждения мексикано-американских отношений, Китай планирует заложить прочный фундамент для дальнейшего продвижения своих интересов. Вне сомнения, в свете происходящих изменений геополитический карты к началу третьей декады XXI в. можно будет наблюдать закрепление еще более разноплановых отношений между Мексикой и Китаем, способных привнести в страну ацтеков безусловно больше пользы, нежели проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Косевич Е.Ю. Кризис президентского срока Энрике Пеньи Ньето. *Латинская Америка*. М., 2017. N 4. С. 45–58 [Kosevich E.Yu. The crisis of the Enrique Peña Nieto presidential term. *Latin America*. Moscow. 2017. No. 4. Pp. 45–58 (In Russian)].

Aranda, María de Lourdes. México y China: una asociación estratégica. *China Hoy. Edición especial.* 2010. Pp. 6–7 [Aranda, María de Lourdes. Mexico and China: a strategic partnership. *China Hoy. Special edition*. 2010. Pp. 6–7 (in Spanish)].

Cornejo Bustamante R.A. México y China. Ironías y perspectivas de su relación. Los grandes problemas de México. *Edición XII. Relaciones Internacionales*. El Colegio de México. México. 2010 [Cornejo Bustamante, Romer A. Mexico and China. Ironies and perspectives of their relationship. The great problems of Mexico. *Edition XII. International relations.* The College of Mexico. Mexico. 2010 (in Spanish)].

Embassy of Mexico in China. https://embamex2.sre.gob.mx/ china/index.php/es/2-uncategorised/1-inicio (accessed: 21.05.2018).

González García J. *China, reforma económica y apertura externa. Transformación, efectos y desafíos. Un enfoque neoinstitucional*. Universidad de Colima. LVIII Legislatura. 2003 [González García, Juan. *China, economic reform and external opening. Transformation, effects and challenges. A neo-institutional approach*. University of Colima. LVIII Legislature. 2003 (in Spanish)].

González García J. La República Popular China a finales del siglo XX, logros y desafios hacia el siglo XXI. Problemas del Desarrollo. *Revista Latinoamericana de Economía.* Instituto de Investigaciones Económicas. UNAM. México. 2001. Vol. 32. No. 124. Enero–marzo. [González García, Juan. The People's Republic of China at the end of the 20th century, achievements and challenges towards the 21st century. Development problems. *Revista Latinoamericana de Economía.* UNAM. Mexico. 2001, Vol. 32. No. 124. January–March. (in Spanish)].

González García J. Las relaciones China – México: cuatro decenios de aprendizaje mutuo y perspectivas futuras. *Comercio Exterior.* México. 2013. Pp. 28–37 [González González García J. China – Mexico relations: four decades of mutual learning and future perspectives. *Comercio Exterior.* Mexico. 2013. Pp. 28–37(in Spanish)].

Kerber Palma V. China y el calzado mexicano. *Comercio Exterior*. México. 2002. Vol. 52. No. 10. Pp. 900–906 [Kerber Palma, Victor. China and Mexican footwear. *Foreign trade*. Mexico. 2002. Vol. 52. No. 10. Pp. 900–906 (in Spanish)].

Kosevich E.Yu. México: estrategia de seguridad y de la lucha contra el crimen organizado. *Iberoamerica.* 2017. No. 1. Pp. 74–95 [Kosevich Ekaterina Yu. Mexico: security strategy and fight against the organized crime. *Iberoamerica.* 2017. No. 1. Pp. 74–95 (in Spanish)].

Lifu Lin J. *The China Miracle. Development Strategy and Economic Reform.* The Chinese University Press. Hong Kong. 1996.

Ling Y. Nuevas características del comercio exterior de China. *China Hoy.* 2011. Vol. 52. No. 7. Pp. 38–40 [Ling, Yao. New features of China's foreign trade. *China Today.* 2011. Vol. 52. No. 7. Pp. 38–40 (in Spanish)].

Luna Arena A., Santa Marina S. APPRI México–China: un instrumento que deben aprovechar las empresas. *China Hoy. Edición especial*. 2010. Pp. 46–47 [Luna Arena A., Santa Marina S. APPRI Mexico-China: an instrument that companies should take advantage of. *China Hoy. Special edition*. 2010. Pp. 46–47 (in Spanish)].

Secretariat of Foreign Affairs of Mexico. https://www.gob.mx/sre (accessed: 21.05.2018).

Shicheng X. Relaciones entre China, Estados Unidos y América Latina. *China Hoy.* 2014. Vol. 52. No. 9. Pp. 14–19 [Shicheng Xu. Relations between China, the United States and Latin America. *China Hoy.* 2014. Vol. 52. No. 9. Pp. 14–19 (in Spanish)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

КОСЕВИЧ Екатерина Юрьевна – научный сотрудник Института Латинской Америки РАН, Москва, Россия.	Ekaterina Yu. KOSEVICH – Research Associate, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences (ILA RAS), Moscow, Russia.